

«СОЧИНИЛ ИЗ РОССИИ САМУЮ МЕТАМОРФОЗИС, ИЛИ ПРЕТВОРЕНИЕ» — эти слова П. П. Шафирова, вице-канцлера петровских времен, из его трактата 1717 года «Разсуждения о причинах Свейской войны» дают представление о том, что уже современники отчетливо понимали значение происходящего на их глазах преобразования России. Потрясение было особенно сильным потому, что в основе «метаморфозиса» лежала воля одного-единственного человека, подобно античному титану поднявшего непосильную тяжесть. И это — несомненно, что бы мы ни говорили о роли его сподвижников, «производительных сил» и т. д.

Грандиозность, всеохватность петровских преобразований такова, что спустя и сто, и сто пятьдесят лет они не стали только историей, а продолжали быть реальностью, живой жизнью, вошли в повседневный быт людей. М. П. Погодин, историк, живший в пушкинские времена, писал в своем эссе «Петр Великий»: «Мы просыпаемся. Какой ныне день? 1 января 1841 года — Петр Великий велел считать годы от Рождения Христова, Петр Великий велел считать месяцы от Января. Пора одеваться — наше платье сшито по фасону, данному Петром Первым, мундир по его форме. Сукно выткано на фабрике, которую завел он, шерсть настрижена с овец, которых развел он. Попадаете на глаза книга — Петр Великий ввел в употребление этот шрифт и сам вырезал буквы. Вы начнете читать ее — этот язык при Петре Первом сделался письменным, литературным, вытеснив прежний, церковный. Приносят газеты — Петр Великий их начал. Вам нужно искупить разные вещи — все они, от шелкового шейного платка до сапожной подошвы, будут напоминать вам о Петре Великом... За обедом, от соленых сельдей и картофеля, который указал он сеять, до виноградного вина, им разведенного, все блюда будут говорить вам о Петре Великом. После обеда вы едете в гости — это ассамблея Петра Великого. Встречаете там Дам, допу-

ценных до мужской компании по требованию Петра Великого».

Но если бы только шейные платки, соленые сельди да ассамблеи! Погодин продолжает: «Место в системе европейских государств, управление, разделение, судопроизводство, права сословий, Табель о рангах, войско, флот, подати, ревизии, рекрутские наборы, фабрики, заводы, гавани, каналы, дороги, почты, земледелие, лесоводство, скотоводство, рудопроизводство; садоводство, виноделие, торговля, внутренняя и внешняя, одежда, наружность, аптеки, госпитали, лекарства, летоисчисление, язык, печать, типографии, военные училища, академии — суть памятники его неутомимой деятельности и его гения»*.

Время показало удивительную жизнеспособность многих институтов, созданных Петром. Коллегии просуществовали до 1802 года, то есть 80 лет; подушная система налогообложения, введенная в 1724 году, была отменена лишь 163 года спустя — в 1887-м. Последний рекрутский набор состоялся в 1874 году — спустя почти 170 лет после первого. Синодальное управление русской православной церковью оставалось неизменным почти 200 лет, с 1721 по 1918 год. Наконец, созданный Петром в 1711 году Правительствующий Сенат был ликвидирован лишь в декабре 1917 года, спустя 206 лет после его образования.

В истории России трудно найти примеры подобной долговечности институтов, созданных сознательной волей человека. Поэтому понятно то восхищение, которое вызывал и вызывает великий реформатор России.

Особо почитаем Петр всегда был на берегах Невы, где он основал великий город удивительной судьбы, город, в котором все связано с именем его создателя. «Он был рожден имперской стать столицей», и здесь начался, прошумел и канул в Лету «петербургский» период российской истории, наполненный именами, датами, событиями, без которых немислима и мировая история. И в начале этого столь памятного периода стоит гигантская фигура Петра, жизнь которого в истории оказалась необычайно яркой и долговечной.

Как Александр Македонский — Искандер остается третье тысячелетие исторической фигурой, равно знаменитой и почитаемой на Западе и Востоке, так и Петр, пожалуй, единственный деятель отечественной истории,

* Погодин М. П. Петр Великий. — В кн.: Историко-критические отрывки, т. 1. М., 1846, с. 341—342.

который почти безболезненно перешел роковой для многих авторитетов и ценностей старого мира рубеж 1917 года, чтобы остаться в общественном сознании как гениальный реформатор, превративший Россию в великую державу.

Вокруг имени Петра сложилось немало легенд и стереотипов, прочно впечатавшихся в массовое сознание. Стереотипы эти столь живучи, что и тем, кто пишет о Петре, и тем, кто читает о нем, подчас трудно противиться инерции готовых клише, устоявшихся, давно ставших аксиомами суждений и определений типа: «царь-плотник, работник на троне», который «прорубил окно в Европу», «суровый, но справедливый и демократичный, не чета своим преемникам» и т. п. К этим положительно окрашенным стереотипам обычно присоединялись актуальные идеологические новации на тему о том, что, осуществляя необходимые России реформы, Петр «выражал интересы господствующего класса» и «драл по три шкуры» с трудового крестьянства. Далее, как правило, следовала все примиряющая мысль о том, что в истории в конечном счете важен результат, какими бы путями и средствами он ни был достигнут, идет ли речь о правителе, создавшем империю, или о правителе, строившем то, что он сам и его апологеты называли «социализмом».

Вечный вопрос о соотношении цели и средств, результатов и путей их достижения в наши дни на новом уровне напряженно пытаются решить историки и публицисты. И не случайно тема Петра и тема Сталина оказались близки, не случайно в поисках первопричин и истоков сталинщины некоторые публицисты и историки, тонко чувствующие время, обращаются к эпохе Петра — вспомним выступления Ю. Афанасьева, В. Селюнина, Н. Эйдельмана и других. И закономерно, что сопоставление двух этих фигур — Сталина и Петра — возникло в совершенно противоположном контексте в знаменитом «манифесте» ленинградского химика Нины Андреевой, аккумулировавшем основные стереотипы авторитарного консервативного мышления: «В конечном счете, к примеру, сегодня мало кого смущают личные качества Петра Великого, но все помнят, что в период его правления страна вышла на уровень великой европейской державы. Время конденсировало результат, лежащий ныне в оценке исторической личности императора Петра, и неизменные цветы на его саркофаге в соборе Петропавловской

крепости олицетворяют уважение и признательность наших далеких от самодержавия современников»*.

Итак, споры о значении личности Петра и его реформ не утихают третье столетие, и историография этого вопроса столь обширна, что сама по себе может быть темой целой книги, и такая книга, принадлежащая перу Николая Рязановского, появилась в США**. С давних пор в оценке Петра исследователи разделялись на «славянофилов» и «западников», точнее — «государственников». Примечательно, что слабые голоса первых, обращавших внимание на урон, который понесла традиционная русская культура в результате внедрения в нее чуждых ей западных элементов, подавлялись мощным хором «государственников», доказывающих с привлечением бесчисленного количества исторических документов своевременность, пользу и ценность реформ, их блестящие результаты. Вряд ли целесообразно ввязываться в вековой спор и высчитывать, подобно историку второй половины XVIII века князю М. М. Щербатову, через сколько столетий наша страна дошла бы до нынешнего состояния, не будь в ее истории великого реформатора...

Петр был, и это меняет все, даже наше восприятие времен, предшествовавших петровским реформам. В руках Петра, писал М. П. Погодин, «концы всех наших нитей соединяются в одном узле. Куда мы ни оглянемся, везде встречаемся с этою колоссальною фигурою, которая бросает от себя длинную тень на все наше прошедшее и даже застит нам древнюю историю, которая (фигура.— Е. А.) в настоящую минуту все еще как будто держит свою руку над нами и которой, кажется, никогда не потеряем мы из виду, как бы далеко ни ушли мы в будущее»***.

Эти слова, написанные почти 150 лет назад, особенно актуальны сейчас, когда наше общество вошло в эпоху преобразований, от глубины, последовательности и радикальности которых зависит судьба наших детей и внуков. Поэтому так важен для нас исторический опыт реформ и реформаторов в России. Долгие годы мы, убежденные в том, что создаем некое исключительное общество, считали всякие исторические параллели, особенно выхо-

* Андреева Н. Не могу поступаться принципами.— Советская Россия, 1988, 13 марта.

** Riasanovsky N. V. The Image of Peter the Great in Russian History and Thought. N.-Y., 1985.

*** Погодин М. П. Указ. соч., с. 335.

дящие за пресловутый рубеж 1913 года, некорректными. Теперь же, убедившись в принципиальных недостатках и серьезных пороках сложившейся системы и желая ее изменить, мы вглядываемся в прошлое, нащупываем аналогии, ищем там истоки многих явлений и процессов, тревожащих нас сегодня, смещая «нижнюю» хронологическую границу этих поисков все дальше и дальше во времени: 1937, 1929, 1917, 1881, 1861, 1825, 1801-й и т. д. Искать эти истоки жизненно необходимо, чтобы не допустить ошибки, чреватой катастрофой, чтобы не принять следствие за причину. И в этой связи обращение к теме «Петр и современность» закономерно и естественно.

Две основные причины заостряют наш интерес к этой теме. С одной стороны, мы видим, что очень многое из реалий петровского времени вошло в нашу жизнь, что наше общество впитало из исторической почвы растворенные в ней соки петровских идей. Они прочно сидят в общественном сознании, в генах.

Петровское время принесло не только впечатляющие достижения, блестящие воинские победы, способствовало усилению национального самосознания, победе светского начала над конфессиональным в культуре, включению России в общеевропейскую семью народов. Петровские реформы — это еще и апофеоз элитизма, не оставляющего практически и до сих пор места для иных (негосударственных) форм общественного существования. Время петровских реформ — это время основания тоталитарного государства, яркой проповеди и внедрения в массовое сознание культа сильной личности — вождя, «отца нации», «учителя народа». Это и время запуска «вечного двигателя» отечественной бюрократической машины, работающей по своим внутренним и чуждым обществу законам и до сих пор. Это и всеобъемлющая система контроля, паспортного режима, фискальства и доносительства, без которых не могла существовать и наша «административно-командная система». Время Петра — это и столь характерные и для нашего общества страх, индифферентность, социальное иждивенчество, внешняя и внутренняя несвобода личности. Наконец, победы на поле брани соседствовали с подлинным культом военной силы, милитаризмом, военизацией гражданской жизни, сознания, с навязыванием с помощью грубой силы своей воли другим народам, сколачиванием огромной империи, оформлением стереотипов имперского мышления, сохранившихся в общественном сознании и до сих пор.

С другой стороны, петровские реформы приковывают наше внимание, ибо они стали навсегда синонимом Перелома, отличавшегося какой-то яростной бескомпромиссностью, радикализмом, даже революционностью. Мысль об этом не нова — еще А. И. Герцен писал: «Под императорской порфирой в Петре всегда чувствовался революционер»*. Затем эта мысль о «революционере на троне» многократно, на разные лады, повторялась в литературе, к ней часто возвращались, сопоставляя время и личность Петра с тем, что происходило в обществе даже столетия спустя после него. В этом смысле примечательна поэма «Россия» Максимилиана Волошина, стремившегося уловить роковую связь времен.

Великий Петр был первый большевик,
Замысливший Россию перебросить,
Склонениям и нравам вопреки,
За сотни лет, к ее грядущим далям.
Он, как и мы, не знал иных путей.
Опречь указа, казни и застенка,
К осуществленью правды на земле...**

И вот здесь-то и возникает важнейшая, коренная проблема преобразований на русской почве: как, каким путем идти к осуществлению правды, справедливости, к всеобщему счастью? Путем ли насильственного прогресса, когда считалось нормальным, допустимым пожертвовать одной частью народа ради светлого будущего остальных, когда средством достижения высоких целей выбирали насилие, принуждение в самых различных его формах? Именно таким путем и шел Петр-реформатор.

Идея прогресса через насилие многим казалась (и до сих пор кажется) заманчивой, привлекательной. С ее помощью можно так легко и быстро достичь желанной благодородной цели. В этой идее как бы материализовалась сжигавшая многих преобразователей России жажда немедленных радикальнейших перемен, стремление добиться результата «сейчас же и тут же».

Нельзя сказать, что у Петра идея решительной и систематичной ломки появилась сразу, оформилась как теория и затем реализовывалась по заранее утвержденному плану. Скорее всего, поначалу никакой осмысленной развернутой программы преобразований не было,

*Герцен А. И. Собр. соч., т. 7. М., 1956, с. 173.

**Волошин М. Россия. — Юность, 1988, № 10, с. 78.

а было страстное желание молодого царя выбраться из крайне неблагоприятных обстоятельств, в которых он и Россия оказались после неудачного начала Северной войны. Применяя единственно возможные в тех условиях чрезвычайные меры, Петр в короткий срок сумел достичь значительных и впечатляющих результатов. Многие препятствовало ему, но многое и благоприятствовало: неограниченная самодержавная власть, организаторский талант, воля и энергия, соединенные с беспощадной жестокостью, терпение, необходимое государственному деятелю столь крупного масштаба, толковые помощники, неисчерпаемые возможности страны, дарования ее народа и т. д. И в итоге экстраординарные меры, давшие столь осязаемый результат, каким была прежде всего блестящая победа над одним из сильнейших государств тогдашнего мира — Швецией, были признаны универсальными и, самое главное, единственно пригодными в условиях России средствами достижения того «общего блага», к которому стремился привести страну ее великий реформатор.

Насилие, составлявшее суть экстраординарных мер, было зафиксировано в законах, заложено в устройстве государственного аппарата административно-репрессивного типа, отражено во всей системе иерархичной власти. Именно в разнообразных формах насилия, ставшего регулятором жизни созданной Петром системы, проявлялся ее тоталитаризм.

Конечно, было бы незерным все упрощать. Петровские реформы имели реальные корни в прошлом, в экономическом и социальном развитии предыдущих эпох, в традициях власти и подчинения в России. Петр резко интенсифицировал происходившие в стране процессы, заставил ее совершить гигантский прыжок, перенеся Россию сразу через несколько этапов, которые она, рано или поздно, неминуемо прошла бы.

Вместе с тем вся революционность Петра имела, как ни парадоксально это звучит, достаточно отчетливый консервативный характер. Модернизация институтов и структур власти ради консервации основополагающих принципов традиционного режима — вот что оказалось конечной целью. Речь идет об оформлении самодержавной формы правления, дожившей без существенных изменений до XX века, о формировании системы бесправных сословий, ставшей серьезным тормозом в процессе разви-

тия средневекового по своей сути общества, наконец, о крепостничестве, упрочившемся в ходе петровских реформ.

Нельзя забывать, что реформы — лишь часть жизни общества. Люди рождаются, живут, работают, умирают и во времена ускорений, и во времена стагнаций. В этой неразделенности, пестрой смеси возвышенного и обычного, неординарного и традиционного и заключается колорит, своеобразие истории, как и жизни вообще. В предлагаемой читателю книге рассмотрено много аспектов жизни общества петровской поры, но главная тема ее — история петровских реформ. Причем мне, как исследователю, казалось более важным не столько рассказать читателю о результатах преобразований, сколько попытаться самому понять, как, когда и почему возникла и как развивалась у Петра, этого социального утописта, своеобразного «петербургского мечтателя», идея поставленного на собственном народе грандиозного насильственного эксперимента по созданию «регулярного» полицейского государства, где ради абстрактной идеи «всеобщего блага» приносились в жертву частные интересы конкретного человека.

Предпринятая сейчас в нашей стране попытка преобразований основана на иных, демократических принципах. Именно в этом — их коренное отличие от петровских идей достижения прогресса с помощью насилия. Чтобы увереннее осуществлять задуманные реформы с иных, чем у Петра, оснований, еще раз оглянемся на оставшуюся в прошлом гигантскую фигуру великого реформатора России, чтобы накрепко запомнить преподанные им уроки...

Автор